

Юрий
Кириницянов

ЧЕТЫРЕ ЛЕЙТЕНАНТА

В свое время их имена были на слуху у всей необъятной общей страны. Они представляли в качестве собственных корреспондентов по Казахстану газеты «Правда», «Известия», «Литературка», АПН, Всесоюзное радио, Центральное телевидение. Их немного, пальцев рук достаточно, чтобы перечислить, но какие имена! Ануар Алимжанов, Эдуард Мацкевич, Геннадий Бочаров, Мурат Байжанов, Григорий Дильдяев, Олег Квятковский, Юрий Кириницянов, Иосиф Мальяр, Дукеш Баимбетов, Виктор Глуховцев, Тлеужан Есильбаев... Мэтры пера и микрофона высочайшего класса!

С развалом СССР талант их остался востребованным, но уже в паритетных российских изданиях, продолжающих выходить в Казахстане, – «АиФ», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец».

Все мы, как говорится, ходим под Богом. Вот и пришлось с горечью, с тяжёлым сердцем попрощаться с человеком, носившим редкую фамилию – Кириницянов. Трёх недель не хватило моему однокурснику Юре до 70-летия...

Он достойно представлял Казахстан сразу в нескольких газетах – «Комсомолка», «Правда», «Строительная газета», «Рабочая трибуна». «Российская газета». Жена Юрия Светлана Синицкая много лет была собственным корреспондентом «Пионерской правды» и «Учительской газеты».

Юрий Иванович оставил огромное творческое наследие из блестящих очерков, зарисовок и интервью, жанра, в котором ему не было равных. Последние годы он работал политическим обозревателем «АиФ. Казахстан», а потом и главным редактором этого массового и популярного издания. Неугомонный, преданный госпоже журналистике всем своим существом, шестнадцать последних лет жизни он вдобавок ко всему издавал ещё и собственную газету «Весь мир» – полноформатную, многоцветную. Последний номер – 86-й – мы унесли с собой с поминок как память о коллеге.

Журналисты, увы, живут недолго. Именно из-за того, что печат словом души людей. Но, видно, и на том свете Бог нуждается в талантливой пастве...

Сагымбай Козыбаев

президент Академии журналистики РК,
доктор исторических наук, профессор,
лауреат премии Президента РК в области СМИ

* * *

Много самых нежных, добрых и ласковых слов сказано о матерях. На всех языках народов мира. Было бы глупо с этим спорить. Женщина – хранительница очага. Мать. Сестра. Жена.

Но верно и другое. Отцам повезло меньше. А ведь неслучайно созвучны два слова – отчество и Отечество. Одно без другого не существует.

Мой отец хлебнул в жизни лиха. Как и всё наше многострадальное Отечество. Он не дожил два года до 40-летия Победы. Впрочем, лейтенант Иван Кириницянов не слишком любил вспоминать о войне. Как человек, который познал не парадную, не маршальскую, а настоящую окопную правду самой страшной и кровавой войны в истории человечества. У каждой семьи в то лихолетье была своя дорога, своя судьба. Была она и у нас...

ГУЛЯЛИ СТАНИЧНИКИ

Последний солдатик отступавшей армии, волоча винтовку, протопал через затаившееся кубанское село. У крайней хаты попросил напиться. Хозяйка ответила грубо: «У советов проси!» Солдат в сердцах выругался. Хотел шмальнуть сквозь ставни. Да пожалел патрон. С тем и поплёлся восвояси. А наутро вся станица гуляла. Откуда только взялись самогон и сало. Разливался колокольный звон, прихорашивались девки и бабы. Старики готовили хлеб-соль и вспоминали известные с Первой мировой немецкие слова. Ну как же – сама Европа в гости пожаловала. Слава богу, дождались освободителей. Землю раздадут, колхозы распустят. То-то заживём, станичники! Надо сказать, далеко не всем надеждам казаков довелось сбыться. Портреты ненавистного усача, конечно, убрали. Но заставили повесить в правлении бывшего колхоза изображение ещё менее симпатичной личности с косой чёлкой. В церквях службу разрешили. За что, конечно, спасибо Великой

Купеческие предки Бондаревы по линии мамы Елены Ивановны

Германии. А колхозы нет, не распустили. Только вместо председателя назначили «руководителя». Оно и понятно: легче забирать «хлеб, млеко и яйки» в одном амбаре, чем обходить сотню казачьих подворий. Впрочем, моих будущих родственников эти новшества не коснулись. Будущих, потому что тогда я ещё не родился. Мой отец Иван Кириницянов на фронте. Ранен, убит – неизвестно. Мать Елена Ивановна с годовалым мальчишкой на руках, Вадиком, которому ещё предстоит стать моим старшим братом. И бабушка, Александра Васильевна Бондарева, в девичестве Евминова. Женщина волевая, решительная. Она окончила педучилище, работала учительницей. И умела укрощать самых несносных озорников. Это бабушка настояла, чтобы они втроём – бабушка и моя мама с малышом – отправились в эвакуацию. К сестре Фаине в Туапсе. Да вот не успели. Фронт катился быстрее. И вот теперь она, жена опального священника, без особой радости вслушивалась в громкие переливы колоколов. За двадцать лет отвыкла от них. К тому же колокольный звон сопровождался пьяным гомоном и разудалыми криками. Как вдруг всё перекрыл жуткий визг. Выбежала на крыльцо. Цыгане! Недобрый ветром занесло их в эту станицу. Какая-то впечатлительная казачка решила, что пришельцы надумали покушаться на её добро. И потребовала немедленной расправы.

Я ТЕБЕ ПОГАДАЮ!

«Тю, так это ж мои знакомые! Как же вы нас нашли?» – с нарочитой радостью бросилась бабушка наперерез «народным мстителям». Те оторопели. Бабушку в селе мало кто знал. Однако слово «учителька» действовало тогда безоговорочно, даже на самые горячие и пьяные головы. Те, кого она решила спасти, стояли, опустив головы. Подавленно молчали, приготовившись к самому худшему. Конечно же, они видели бабушку в первый раз. Так или иначе, удалось отвести казачьи нагайки от двух сморщенных старух, молодайки, смуглого пацанёнка и старика, который еле переставлял ноги. Бабушка с мамой приютили несчастных. Наутро те собрались в дорогу – куда глаза глядят. Молодая цыганка сказала на прощанье бабушке: «Я тебе погадаю». Та покачала головой: «Мне нечем расплатиться с тобой». – «А и не возьму ничего. Это я перед тобой в долгу». И не дожидаясь согласия, произнесла: «У тебя на фронте двое. Родный и неродный». Бабушка похолодела. Их страшную тайну в этой станице не знал никто. На фронт она проводила действительно двоих. Зятя и сына. Неродного и родного. «Неродный вернётся, когда жмыхи будут робить. А родного не жди». – «Убьют?» – «В дырку провалится», – последовал странный ответ. Как потом ни умоляла бабушка цыганку, та больше ничего не сказала. Мой дядя, бабушкин сын Константин Павлович Бондарев перед войной окончил танковое училище. На фронт ушёл лейтенантом. Погиб в страшном бою под Прохоровкой. Немцы подбили гусеницу, люк заклинило. Танк крутился и горел, а они всё стреляли и стреляли. Воронка становилась всё глубже. Дырка...

Мой отец тоже носил лейтенантские погоны. Как я уже сказал, он не любил рассказывать про войну. Я так и не сумел узнать у него, почему он не воспользовался законной бронью. Отец окончил Харьковский железнодорожный институт, работал в Запорожской области, на станции Пологи, где и родился мой старший брат Вадим. Железнодорожников на фронт не брали. И он мог вполне уехать в тыл. А заодно и увезти семью. Идейность? Верность коммунистическим идеалам? Но отец никогда не был коммунистом. Преподавателей уводили прямо с лекций, и думаю, он не заблуждался насчёт советской власти. Ещё в институте пытался писать стихи. Лирические и наивные. Мать вышла замуж с условием, что муж прекратит своё легкомысленное творчество. Человек, который рифмует слова, всегда подозрителен. И он скорее попадёт в поле зрения «органов», нежели простой инженер. Так она рассуждала, и я не в силах её осуждать. Ведь я никогда не жил той жизнью. Но и отец не смог объяснить жене, почему ушёл на фронт простым фельдшером, предъявив свидетельство об окончании медицинского технику-

Шахтерская семья отца, Ивана Дмитриевича

ма. Почему не показал диплом инженера? Не знаю, не знаю. А может, это я был не настойчив в расспросах. Наверное, это моя вина. На войне он особых подвигов не совершил. Обычная мужская работа. Вытаскивал с поля боя раненых, полуживых, обгоревших бойцов. Выслушивал их стоны и мат. А потом делал перевязки, подавал хирургу вату и бинты. И, конечно, валился с ног от усталости. Потом был плен. Немецкий лагерь. Его спас украинский язык, потому что украинцев немцы отпускали. Документов у него, конечно, не было. Поэтому проверяли просто. Сидел немецкий офицер. И переводчик. Нужно было сказать одно-единственное слово: «Поляныця». По-украински – хлеб. Весь секрет в том, что последняя буква в этом слове не «я» и не «а». Нечто среднее. Русский человек сходу так произнести не мог. Но отец учился в Харькове на украинском языке и легко преодолел «экзамен».

Иван Дмитриевич Кириницянов
Вена, 1945 г.

Стал пробираться к своим. Но по дороге его снова схватили. Побег, снова лагерь. И снова побег. До линии фронта он так и не дотянул. Ослаб сильно. Перекаптовался зиму на мельнице, в «приймаках» у какой-то вдовушки. Колонну вели через хутор. Завшивленных, немьгтых, усталых мужчин. Бойцов разбитой армии, которую бросили бездарные военачальники. Немцы по отношению к пленным тогда ещё не слишком лютовали. Потому что верили в свою победу. Одна женщина крикнула с надрывом: «Иван, мой Иван!» Десятки глаз устремились ей навстречу. Но она выбрала моего отца. «Забирай!» – равнодушно кивнул усатый фельдфебель, принимая в дар за отца бутылку с самогоном. Почему она выбрала бывшего лейтенанта? Не знаю. Наверное, судьба. А также предмет дотошного разбирательства в «СМЕРШе» и вечная тень в отношениях с матерью – до самой их смерти. Мама была однолюбкой.

И не понимала, как за кусок хлеба и крышу над головой можно спать с чужой женщиной. Когда я стал взрослым, успокаивал её как умел. «Мама, это была война. Отец хотел выжить. Увидеть тебя и сына». Но она меня не слышала. Только смотрела невидящими глазами, тихонько плакала. Или отрешённо молчала. Перед смертью попросила похоронить её отдельно от мужа. Мой старший брат (я жил тогда в другом городе) вынужден был выполнить её просьбу. Вот почему я думаю, что рассказ о четырёх лейтенантах будет неполон, если я не вспомню о ней – Елене Ивановне Кириницяновой. Жене, сестре и матери.

ДОЧЬ СВЯЩЕННИКА

Познакомились они так: отец опоздал на первомайскую демонстрацию. За это можно было вылететь из «лекарского» техникума. А могли и срок припать. Поли-тическое мероприятие как-никак. Он опоздал буквально на пару минут. Увидел, что колонна демонстрантов, как большая гусеница, с бахромой из портретов и транспарантов, колыхалась далеко впереди. Он её еле догнал и пристро-

ился в хвост. А там как раз была группа девчонок из сангига. Так в духе века, который все названия торопливо сокращал, называлось санитарно-гигиеническое отделение. Остроумный и находчивый Иван быстро со всеми перезнакомился. Но одна, белокурая серьёзная дивчина с большими глазами, пленила его сердце, как было принято выражаться в любовных романах, которыми зачитывались парни и девушки в те времена. Когда отца со всей комсомольской принципиальностью спросили, почему он игнорировал важное мероприятие, он, не моргнув глазом, соврал: «Так я ж с девчонками из сангига. Там у меня коханая». Вызванная для очной ставки «коханая» поняла, что у невесты откуда взявшегося «суженого» будут неприятности. И поэтому вынуждена была подтвердить: у них самые серьёзные намерения, после техникума распишутся. Хотя видела этого симпатичного нахала

Папа молод, и мать молода...

второй раз в жизни. Вот так и закрутилось. Наверное, ей сначала нравилось, что этот паренёк из Донбасса с лёгкостью рифмует строки, причём все они посвящены ей, Лене Бондаревой. Конечно, вирши были незамысловаты, вроде «любовь-кровь» и «ожидая-обожаю», однако некоторое приятное впечатление они производили. Но со временем моя будущая мама стала опасаться неожиданного дара своего «возлюбленного». Не только из-за того, что люди, пишущие стихи, у советской власти были на особом «учёте». Дело в том, что Лена Бондарева жила с одной тайной в душе, которая потом, многие годы спустя, видимо, и привела её к смертельной болезни. Она, гордость курса, активистка и отличница, была дочерью священника. А значит, политически неблагонадёжной, обманувшей советскую власть. Её брак со «стихоплётом», пусть из шахтёрской семьи, мог оказаться роковым. Для неё и будущих детей. Конечно, она призналась во всём отцу, когда их отношения подошли к той самой развилке – «да» или «нет». Отец не оставил её, и это мне лишний повод его уважать. Её мать, Александра Евминова в 1910 году вышла замуж за выпускника духовной семинарии, будущего священника. Тогда ещё великая Российская империя спала сладким сном, и эта профессия была вполне престижной – не хуже других. Но тут наступила революция. Пришли большевики. И быстро разобъяснили несчастному народу, что бога нет, а все священники – дармоеды и кровопийцы, живущие за счёт пролетариев и трудового крестьянства. Церковь взорвали, всю утварь забрали в ЧК. Священникам сказали:

«Пошли вон!» Каждый устраивался как мог. Поскольку в семинарии обучали не только Закону Божию, но и другим наукам тоже, Павел Бондарев стал преподавать в местной школе, вместе с молодой женой. А в свободное время не гнушался сапожным ремеслом. Мог подбить сапоги или починить ботинки. Про это узнали его знакомые, потянулись с заказами. Денег он с односельчан не брал. Но от шмата сала, каравая хлеба и бутылки самогона не отказывался. Поскольку в то неспокойное время жидкая валюта была самая твёрдая. Кто же знал, что это умение спасёт ему жизнь? Тем временем подрастала дочь, которая мечтала стать врачом. Хотя и понимала: мечте сбыться не суждено. Дочь священника – это клеймо на всю жизнь. Хорошо, если в прачки возьмут. Отец и мать судорожно искали выход. Всё решилось само собой. Однажды вечером к моему будущему деду заглянул бывший прихожанин и ученик, работавший в ОГПУ. «Дядя Паша, завтра ночью придём тебя брать. Беги!». Это был конец двадцатых, время довольно вегетарианское. Ещё не застрелился Маяковский, и «великий пролетарский писатель» Максим Горький ещё не произнёс роковую фразу, ставшую моральным оправданием красного террора: «Если враг не сдаётся, его уничтожают». Дед собрал ящик с инструментами и сказал жене: «Ухожу. Напиши Ване в Пензу, пусть Лену удочерит». С тем и ушёл. Они жили тогда в большом и когда-то богатом селе Борисовке. Она то отходила к России, в Белгородскую область, то её передавали украинцам, в область Харьковскую. И поэтому здешние обитатели в большинстве своём одинаково свободно владели и русским языком и украинской мовой. В тот момент, когда к деду пришёл чекист, как я понимаю, это была украинская территория. Потому что мама поехала учиться не в Белгород и не в Москву. А в Харьков. Дед не без оснований рассчитывал затеряться в маленьких деревнях украино-российского приграничья. Ему удалось выправить новые документы, с которыми он благополучно кочевал десять(!) лет. Порою под покровом ночи появлялся в родном доме и исчезал, как дух, с утренним туманом. Иногда передавал деньги – с надёжными людьми. Бабушка через положенное время подала документы куда следует: «Пропал муж». Ну, поискали и успокоились. Мало ли забот у советской власти, чтобы за беглым священником-сапожником гоняться. Нехай пока живёт. Через год Лену удочерил Иван, брат Павла. Учитель. К учителям, в отличие от священников, советская власть относилась терпимо и во враги не зачисляла. И поехала Елена Павловна, ставшая Еленой Ивановной, в Харьков, учиться на врача. А её родной отец вернулся домой смертельно больной, накануне войны, когда уже понял: скоро конец. Но успел сфотографироваться с внуком, которому не исполнилось и года. На его возвращение никто не обратил внимания. В ОГПУ, а затем НКВД несколько раз менялись кадры. Палачей расстреливали палачи. Про беглого священника, к счастью, просто забыли. Нет человека – нет проблемы.

СТИХИ ПОД ТОПОЛЕМ

А мама так старалась! Училась на одни пятёрки. Понимала, что её в этой жестокой жизни может спасти только прилежание и упорный труд. И она оказалась права. Случилось то, чего она так боялась. Когда она была уже на третьем курсе мединститута, в Харьков приехал парень из Борисовки. Тоже поступил в мединститут. И – надо ж такому случиться – столкнулся с мамой в коридоре. Кинулся навстречу с распростёртыми объятиями: ну как же, землячка! А потом пошёл и написал заявление в ректорат: «Довожу до вашего сведения, что в нашем советском вузе учится поповская дочь. Чуждый социальный элемент». Будь стукачок опытнее, он бы сразу обратился в доблестные «органы». Неопытность подвела.

А ректор, получив «сигнал», вынужден был пригласить к себе лучшую студентку факультета. «Как это понимать, Елена Ивановна?». Так на украинский лад звучало её имя. Она стояла ни жива ни мертва. Обман тянул на уголовную статью. И всё же протянула ректору справку об удочерении. «Мой отец пропал, я о нём ничего не знаю. Меня удочерил его брат». Я думаю, что ректор всё понял. И принял непростое для себя решение. Он пригласил бдительного мерзавца к себе в кабинет и спросил вкрадчиво: а знает ли товарищ студент, что Елена Бондарева – дочь учителя? И об этом имеется документ, выданный уполномоченным органом советской власти. Если товарищ против советской власти, то он, ректор, сейчас сообщит об этом куда следует. На что перепуганный «товарищ» стал горячо утверждать, что он не против советской власти. А вовсе даже за. И с этими бормотаниями он начал пятиться к двери. Этого его испуга хватило на всю мамину студенческую учёбу. А потом была война. Эвакуация. И то самое кубанское село, с которого я начал свой рассказ. С чужим отчеством мама прожила всю свою жизнь. Какой она была? Небогатой, но, в общем-то, счастливой. Отцу в конце концов удалось устроиться в какой-то проектный институт, на рядовую должность. После работы он заходил за мамой в санэпидстанцию. И они шли не спеша, через полгорода. Автобусы тогда плохо ходили. Я их сторожил на улице. И когда они появлялись, я мчался навстречу. Повисал на их вытянутых руках. Отец небольшого росточка, в соломенной шляпе, в пиджаке и широких брюках, которые ему всегда приходилось подгонять. Мама в ярком крепдешинном платье. Его насквозь пронизывало уходящее солнце. А потом мы с отцом поливали огород из шланга. Пили чай на веранде. Выходили на крыльцо. Садись под тополем, который я собственноручно посадил. Отец читал стихи. Чаще всего Есенина «В жизни всё особою метой отмечается с ранних пор». Утром они торопливо собирались на работу. А оставался дома и ждал той сладкой минуты, когда можно было лихо промчаться по улице Маяковского, загребая пыль ногами в цыпках. Под завистливыми взглядами корешей. Далеко не во всех семьях были отцы. А те, что были, так лучше, чтоб и не были. Один пил, другой дрался. Отец моего дружка и тёзки Юрки дядя Володя сидел в тюрьме за грабёж. Такие вот были простые нравы. Лет пять назад я побывал в том самом старом доме. Одну часть улицы снесли. А наша удивительным образом осталась. Тополь спилили. Вместо него угольная яма. Огород был тоже заброшен. Впрочем, это уже другая история...

А тогда, в пятидесятых и начале шестидесятых годов прошлого века, мои родители просто жили и работали. Растили детей. Не ссорились. Не выпивали. Не буянили. Брат оканчивал школу и дежурил по ночам, чтобы подписаться на дефицитные книги. Мама водила меня на концерты и выступления чтецов. Тогда столичные артисты не первого плана объезжали провинциальные города. Несли, так сказать, культуру в массы. Помню, когда услышал знаменитое «Держи гроссмейстера!», чуть не упал со стула от хохота и какого-то щенячьего восторга. Мама работала врачом-бактериологом. Ездил в командировки по казахским аулам. Боролась с инфекциями и эпидемиями, как умела. Надо было, конечно, уехать из города, отравленного радиацией. Но они так пострадали без жилья. А тут всё-таки дом, хоть и на двух хозяев, но с разными выходами. Две комнаты, кухня с печью, веранда. Подвал, где можно было хранить соленья и варенья. Да и как я могу их осуждать? Что тогда знали о радиации? Ведомство Лаврентия Павловича, взорвавшее бомбу через полгода после моего рождения, умело хранить свои тайны. Мы переехали в Караганду только через 14 лет. Мама перенесла в Семипалатинске бруцеллёз и туберкулёз. А вот рак ей перехитрить не удалось. Первую атаку она выдержала. Рак груди тогда лечили одним способом – молочные железы просто отрезали. А через

десять лет – рак лёгких. Две страшные болезни на одну жизнь – это всё-таки много для одного человека. Умирая, она мучилась: «Как же так, я от родного отца отказалась?» Я утешал её как мог: «Время тогда было такое. Ты поступила правильно. Стала врачом. Нас с Вадимом вырастила». Мама моих утешений не слышала. Она всегда строго судила себя. Как и отца, впрочем. А ведь ему и без того досталось.

РЯДОВОЙ ИЗ ШТРАФБАТА

В СМЕРШе допрос вели весело, с прибаутками да мордобоем. Выясняли как бы между прочим: «Почему ж, ты, сука не бежал, когда окружали ваш лазарет? Почему пулю в висок не пустил, чтоб смыть позор со своей поганой морды?» И вытирая кровь с «поганой морды» тихо, но твёрдо отвечал отец очередному следователю. Не бежал потому, что раненых не мог бросить. А не застрелился? Так, гражданин начальник, мальчишка у меня растёт. Зачем же собственноручно сиротить пацана? Его ж надо на ноги поднять. Вы уж только поверьте. А я испулю вину, кровью смою страшный грех перед Родиной. И поверила лейтенанту Ивану Кириницанову гуманная рабоче-крестьянская власть. Хоть и сорвала с него погоны, отправила в штрафбат. Простым миномётчиком. Так не его одного. В этом батальоне были и майоры, и полковники, и даже генералы. Не сломленные, не застрелившиеся. Самый страшный бой они приняли в Будапеште. И немцы и власовцы сражались здесь зло и отчаянно. Как будто это был их последний бой. Спасаясь от пуль, отец забежал в подъезд одного полуразрушенного дома. И... похолодел. Прямо перед ним стоял здоровенный немец. Шарил в под сумке, нащупывал магазин. А отец свой тоже расстрелял. Помню, как он рассказывал, будто не веря в давнюю удачу: «Шансов остаться в живых у нас – пятьдесят на пятьдесят». Это понимал и я, “русс Иван”, и Фриц, Ганс, Фридрих или как там его». Любое движение могло стать последним. Сторожа каждый вздох своего невольного соседа, они медленно разошлись. Видимо, тоже судьба. Спустя много лет, кажется, в восьмидесятом, я бродил по узеньким улицам Буды и напряженно вспоминал отцовский рассказ. Прикидывал: может, здесь. Или здесь.

Впрочем, я забежал вперёд. Однажды во время очередного арналёта отца засыпало землёй, контузило. Попал в госпиталь. Ему вернули лейтенантские погоны – всё по-честному. После первого ранения или контузии штрафников «прощали». Старлея он получить уже не смог, хотя прошёл всю войну, до Вены. «Замаранным» не полагалось. Демобилизовали его только осенью 46-го. Когда на Кубани убирали подсолнечник, давили из него масло. А то, что оставалось, называлось жмых. Самое вкусное лакомство в голодные послевоенные годы. Он разыскал тещу, жену и сына в станице. Пытался осесть там насовсем. А вот уж нет! Чужаков казаки не принимали. На Кубани им делать было нечего. К тому же все, кто с восторгом встречал немцев, снова стали убеждёнными коммунистами. Собрали мои родственники свои небогатые пожитки и отправились в Сибирь, в Омскую область, где в селе Соргатка работал мамин двоюродный брат, дядя Лёня. Районным военкомом. А там новая беда приключилась.

Отец понимал, что карьера его закончена. На большую должность не претендовал. Устроился сельским фельдшером, подрабатывал ветврачом. Грамотных людей в глубинке было не слишком много. А уж с дипломом фельдшера и подавно. И надо же такому случиться: сдохла лошадь, которую ему выдали в правлении колхоза для командировок. Животное загнулось по старости. Да кто ж ему, бывшему пленному, поверит? Вызвал его председатель сельсовета – он к отцу по-доброму

относился. Потому что сам воевал. И сказал, отведя глаза: «Бери, Ваня, семью в охапку и дуй на все четыре стороны. Пока в районе не узнали. Наши доблестные чекисты тебе десятку, а то и четвертак быстро нарисуют. Как врагу народа».

Ночью отец погрузил всё семейство на лодку, чтобы переплыть через Иртыш. На другом берегу была пристань, ходили пароходы. Решили бежать в Казахстан. Больше шансов, что не найдут. А тут разыгрались волны. В лодке открылась течь. Чудом не утонули. И опять судьба? Сошли на земную твердь аж в Семипалатинске. «Почему ты выбрал этот город, папа?» – пытал я его. «Там на пристани продавалась дешёвая картошка», – честно отвечал отец. Вот так, благодаря дешёвой картошке я и появился на свет.

Но жизнь у нас складывалась не очень. На работу по специальности Ивана Кириничьянова не брали. Когда приходил устраиваться на работу, начальство сияло. В захолустном городе инженеров по его профилю было немного. Проблемы начинались позже, когда он заполнял анкету. Наиболее совестливые отводили глаза. «Понимаете, Иван Дмитриевич, вчера на эту должность по разнарядке взяли другого». А наиболее принципиальные товарищи резали правду-матку в глаза: «Ты что же, штрафная гнида, хотел втереться в доверие? А, может, тебя в плену десять раз завербовали, и ты выдашь иностранной разведке секрет пропитки железнодорожных шпал?»

Лишь теперь я понимаю, какую жизнь прожил, через что прошёл боевой офицер. Сколько унижений пришлось вытерпеть ему ради двух мальчишек, которых надо было выучить и поставить на ноги. Сколько издевательств снести. Зачастую от тех, кто благополучно отсиделся в тылу и никак не пострадал. Отец ни разу не сорвался. Не набил морду очередному кадровику. Хотя мог бы. До института он рубал уголёк в Донбассе, куда приехал дед Димитрию с женой Устиньей. Перебрались они туда из Бессарабии. Впрочем, это особая история, я расскажу о ней в самом конце своих заметок. А пока продолжу об отце.

Рука у бывшего шахтёра была тяжёлая, испытано на себе. Но если б дело дошло до драки, ему, бывшему военнопленному, дорога была одна – в лагерь. Он, слава богу, не спился. Не ушёл в загул. Брался за любую работу. Лейтенант запаса именно так понимал свою боевую задачу – воспитать двух сыновей. Пошёл на «скорую» – санитаром. Там людей всегда не хватало, и на его анкету смотрели сквозь пальцы. Подрабатывал сторожем. Чертил какие-то проекты, под чужим именем, разумеется. Потом всё-таки устроился инженером-проектировщиком. А ещё пописывал заметки. Не мог без этого, несмотря на мамино ворчание. Даже публиковал стихи к праздникам – в областной газете. К Новому году, Восьмому марта, Первому мая и 7 ноября. Так и выжили.

...Тридцать два года со мною нет отца. Чем дольше живу я и старею, тем больше поводов нахожу для раскаяния. Он, как ребёнок, радовался моим публикациям. Вырезал заметки, показывал их друзьям-фронтовикам, с которыми встречался в парке. Но почему я о многом не расспросил его, почему стеснялся показать свою любовь и нежность? Зачем убегал к друзьям, когда он оставался один с моими газетами у настольной лампы с зелёным абажуром? Ему так хотелось поговорить со мной, я же частенько раздражался. С годами старик стал плохо слышать. Слуховые аппараты тогда были примитивные, у него болела голова. Разговора не получалось. Он складывал руки на груди, крест-накрест, оставаясь в одиночестве. Старый и больной. А перед ним на фото сиял улыбкой белозубый Константин Бондарев. В военной форме с лейтенантскими «кубарями». Они виделись всего пару раз, но успели подружиться. О чём вели нескончаемый диалог два лейтенанта, танкист и военный фельдшер, мне не суждено узнать никогда.

Теперь я стараюсь помогать старикам, которые прошли через кошмар войны. В их морщинах и сединах пытаюсь разглядеть отцовские черты. И очень часто ловлю себя на мысли, что им надо не так уж много. Просто выговориться и быть услышанными. Но, оказывается, это не так уж мало. И я выполняю, как умею, свои обязанности сына фронтовика и лейтенанта запаса. Хотя совесть и саднит, как фронтовая рана.

Нам не дано предугадать будущее. Как жить? Бескорыстных цыганок на свете больше нет. Не с кем посоветоваться. Могила отца сейчас в другом государстве. И пробраться через границы и таможни – как линию фронта перейти. Но согревает одно: отец не зря прожил свою жизнь, его усилия не пропали даром. Брат окончил политехнический институт в Томске, я – университет в Алма-Ате. В моем военном билете появилась запись «лейтенант мотострелковых войск». Потом были ещё какие-то, но эта мне кажется самой важной. Я всегда старался жить так, чтобы отцу было за меня не стыдно. Хотя всегда понимал: мне до лейтенантских звёздочек отца и дяди – как до кремлёвских звёзд. Впрочем, мы просто живём в другой стране и в другое время...

ВЫЙТИ ИЗ ОКРУЖЕНИЯ

Мой брат Вадим получил лейтенантские погоны в Бресте, в семьдесят третьем. По причудливой прихоти начальства именно там проходили военные сборы студенты Томского политехнического. Почти всю свою жизнь он работал проектировщиком на крупном предприятии в милой южной республике. Одно время даже руководил проектным бюро, хотя никогда в коммунистах не состоял, а на руководящую должность рекомендовали только партийных. Видимо, ценили как хорошего специалиста. Но после распада огромной страны оказалось: всё, чего он добился в жизни – скромная квартира и нищенская пенсия. Он с этим как-то свыкся. Ко всему привыкает человек. Но вот с тем, что чужими в этой стране стали не только «русскоязычные», но и Пушкин с Лермонтовым, Гоголь и Толстой, Чехов и Бунин – смириться не мог. И вот в шестьдесят с небольшим он решил на перемены в судьбе. Вывез свою семью в Россию – как выводит из окружения лейтенант свой потрепанный в боях взвод.

Я нечасто бывал у него в гостях. Жили в разных странах, за тысячи километров друг от друга. Но когда встречались, вспоминали родителей. Молчали. А что мы могли ещё сделать, два постаревших лейтенанта? 28 декабря в 14.00 я поднял телефонную трубку, услышал срывающийся голос его младшей дочери Оксаны и всё понял. Утром следующего дня вылетел в Россию, где он жил в небольшом городе Рыбинске, в сотне километров от Ярославля. Четыре часа до Москвы на самолёте, четыре часа до Ярославля на поезде. А там уже рукой подать до Рыбинска. Меня ждали. В комнатах занавесили зеркала. Лида, жена брата, постоянно плакала. Что-то говорила, как в забытьи. «Пошла готовить обед. Слышу из кухни: упал. Я к нему: “Вадик, ты не ушибся?” – “Вроде нет”. И всё».

Лейтенант Вадим Кириницианов в своей мирной жизни был скромным человеком. Молчуном. Все переживания – в себе. Авиазаводу в Ташкенте отдал тридцать пять лет – не шутка. Казалось бы, уехал, ну и уехал. А он расстраивался, получая весточки оттуда. Когда-то он гордился своей работой. А сегодня цеха завода пусты. Станки раскурочены. Всё, что можно открутить, сдали в металлолом. Люди по привычке ходят на работу, хотя зарплату им давно не платят. Конечно, такие новости не прибавляли здоровья. Да и новая жизнь радовала не особо. Семья жила бедно. Если честно – нищенствовала. Дочь Оксану не брали

на работу. Её, сероглазую и русоволосую женщину, дотошно выспрашивали: «Вы, часом, не узбечка?!»». Выпускнице университета высокомерно говорили: «У вас там все дипломы за взятки куплены». И что скажешь? Что возразишь? На Родину приехали. Лида сдала в ломбард все свои украшения. Даже колечко, доставшееся от мамы, буквально за копейки. Что-то я присылал. Но выжили благодаря зятю, расторопному и умелому Игорьку, который сначала чинил машины в автосервисе, а потом вместе с одним местным парнем научился монтировать сигнализацию. В наш беспокойный век – весьма полезная штука.

Мой брат, беспартийный, русский, выпускник престижного Томского политехнического института, три года не мог получить российское гражданство. А значит, всё лечение – за деньги. И немалые. Южная республика за выход из гражданства требовала какие-то дикие суммы от полунищего старика. Наконец-то российские чиновники явили великую милость. Переселенцы пришли на почту, отправили свои старые паспорта в посольство и получили российское гражданство. Ему стали платить пенсию. Пусть небольшую, но регулярно. «Хорошо, что выбрались», – повторяла жена. Но стали одолевать болезни. Так фашисты окружали отставших и измученных советских бойцов.

Весной прошлого года брат потерял сознание, прямо на улице. Люди у нас отзывчивые. Вызвали «скорую». Его положили в больницу. А тут майские праздники – как на грех. Страна широко гуляла. Врачи к нему не подходили. Он, видимо, переживал. Но не скандалил: неудобно. Лида пришла его забирать, а у него случился инфаркт, прямо в больнице. Еле откачали.

Летом я приехал в Рыбинск. Как чувствовал, что вижу брата в последний раз. Глаза у него были потухшие, безучастные. Я настаивал: «Надо полечиться в областной клинике, в Ярославле». Но они так и не собрались. Вадим сильно хворал. Ему было бы тяжело уезжать из привычных стен, жить вдалеке от дома. Хоронили мы его 31 декабря. Комки стылой земли ударили по крышке гроба. И я подумал: «Ну вот, ещё один лейтенант успокоился в русской земле». Обычная история русского человека, не по своей воле оказавшегося за рубежами Отечества. Было очень холодно. Градусов двадцать пять, с ветерком. Может, это судьба испытывала меня на прочность? Как бы там ни было, наутро столбик термометра резко пошёл вверх. Плюс один. Дороги развезло. С крыш капало. И от этой несуразной перемены в природе в первый день января было ещё горше...

Я – ПОСЛЕДНИЙ ЛЕЙТЕНАНТ

У меня есть сын Дмитрий. Он живёт в другой стране. Далеко, на другом конце Земли. Последний раз приезжал домой лет пять назад. Подолгу сидел в своей комнате, уткнувшись в монитор компьютера. Ходил к друзьям и одноклассникам. Я его не осуждал за это. Потому что мне казалось: он совершает те же ошибки, что и я. Но не знал, как ему об этом сказать, наткнулся на его шутовски-нисходительный отпор. Нам надо было многое сказать друг другу, но мы молчали. Ему казалось, что жизнь долгая, что он со мной ещё успеет наговориться. Я знал, что он ошибается – жизнь безумно короткая. Но не мог объяснить ему это. Поэтому тоже молчал. Или говорил какие-то бодрые идиотские слова.

В прошлом году я наконец собрался и отправился к нему в гости. Был повод: наш мальчик получил паспорт гражданина заокеанской державы, что совсем не просто. Он очень старался, и я оценил это. Он устроил нам с женой экскурсию к океану, водил по великолепным музеям и кормил в дорогих ресторанах. Когда я пытался достать из бумажника купюру с изображением президента, он пре-

.Елена Ивановна Кириницянова
и три её лейтенанта

секал мои поползновения на корню. Даже взял отпуск на неделю, чего не делал 11(!) лет. Чтобы соответствовать правилам той жёсткой прагматичной страны, надо работать, работать и ещё раз работать. Тогда у тебя будет пусть и не шикарный, но практичный автомобиль, счёт в банке и дом, за который надо ещё платить и платить. У сына появилась идея: перевезти нас с женой в эту благословенную страну навсегда. Но что я там буду делать? Кому я нужен со своими воспоминаниями и сомнениями? Ведь разговаривать нам по-прежнему будет некогда...

Но самое главное даже не в нём. Там, за океаном, подрастает Саша, Шура, Александра Дмитриевна. Как и прапрабабка, весьма решительная и серьёзная во всех отношениях личность. Она увлекается всем сразу. То играет на трубе, а то в шахматы. И даже занимает шестое место на соревновании среди юных шахматисток штата. В общем, нормальный американский ребёнок. В школе её зовут

Алекс. Меня в последнее время всё больше мучает мысль: что она знает о войне, которая расколола пополам прошлый век и всю нашу маленькую планету? Или вдруг не захочет узнать? Шура говорит по-английски, потому что родилась в этой стране, и по-польски – как её мама. К ней по воскресеньям приходит учительница русского языка, эмигрантка из бывшего СССР. Я свободно владею только русским, как всё наше послевоенное поколение. Поэтому и с внучкой мы разговариваем в основном жестами, перекидываемся какими-то невразумительными репликами. Как рассказать ей историю нашей семьи? Мог бы перевести сын, но ему некогда. Но самое главное, я чувствую: в этой благополучной, сытой и самодовольной стране своя история. И свои ценности, которые не будут мне близки никогда. Да что там говорить... Мой сын, как и его дочь, теперь носят мою, но сокращенную фамилию – Кирин. Чтобы новым соотечественникам было комфортнее её произносить. Я сына не осуждаю: это его выбор. Ему так удобнее, ничего не поделаешь. Но не утихает боль, ноет сердце. Я остался единственным мужчиной с фамилией Кириницянов. Подмога не подоспел, боевые товарищи не придут. От болезней, от печали и грусти буду «отстреливаться» – как умею и сколько смогу. Ведь я – последний лейтенант.

ВСПОМИНАЮ И МОЛЮСЬ...

Наверное, на этом можно и закончить. Но думаю, что надо сказать несколько слов о родителях отца. Это тоже поучительная история. Наш род берёт своё начало в Бессарабии. Эта территория то находилась под румынами, то попадала под власть российской короны. На стыке двух веков, девятнадцатого и двадцатого, в одном селе жил крепкий, густобровый парубок, Димитриу Кирициану. В переводе с молдавского – «скрипит дверь». Жених – на загляденье. Но почему-то пригля-

нулся он молодой вдовушке Устинье. Она считалась выгодной партией, поскольку владела корчмой. Если перевести на современный язык, это всё вместе: ресторан, гостиница и стоянка, то бишь конюшня, в которой отдыхали проезжие лошади. Граница рядом. Контрабандисты, коммивояжеры, солдаты – всем нужен отдых. Ломоть брынзы с луком и помидором да чарка доброго виноградного вина. Корчма досталась ей от старого мужа, который польстился на красоту и молодость, да сердце не выдержало. Так бывает. И вот парубок стал захаживать в корчму, начал оказывать Устинье знаки внимания. Но жениться не торопился, поскольку был моложе вдовушки лет на семь или даже восемь. Но друзья уговорили. «Женись, Димитрию, разбогатеешь!» Он и женился. Но с неба свалившееся богатство пользы не принесло. Свадьбу гуляли так неистово и широко, что пропили корчму, и всё, что там было. А потом дед, придя в себя, заявил молодой жене, потрясённой таким размахом веселья: «Собирайся, Устинья. Поедем на Донбасс уголёк рубать». Там в горняцком посёлке на руднике, неподалёку от Горловки, у них и появился первенец Иван. Дед всю жизнь работал в шахте. Выпивал, и крепко. Однажды его завалило. Он выбрался чудом, и по этому поводу запил ещё сильнее.

Они умерли в один день – дедушка и бабушка – во время того проклятого голодомора. Отец в это время учился в Харькове. Для благозвучия переделал свою фамилию на «Кириничьянов», тогда это было несложно. Студенты тоже жили впроголодь, но всё же выживали. Отец подрабатывал грузчиком и репетиторствовал. Он разрывался между Харьковом и Горловкой, между лекциями и родительским домом. Приезжал домой и тут же мчался в институт. Возил продукты, которые выменивал или покупал из-под полы. И вот однажды не успел: приехал, а они уже неживые.

Мне кажется, эта история мучила его всю жизнь – как маму чужое отчество. Опоздав тогда, он всю свою силу и доброту вложил в нас, двоих сыновей. Спасибо, отец, за то, что ты жил на этом свете. За то, что воспитал брата и меня так, как воспитал. За то, что я пишу сейчас это запоздалое признание в любви. Видно, такая судьба у нас, сыновей. Мы стесняемся высоких красивых слов, а потом казним себя всю оставшуюся жизнь.

...В день рождения и смерти родителей я прихожу в Никольскую церковь. Стараюсь выбрать время ближе к вечеру. Служба уже закончилась, в храме немногочисленно, тихо, спокойно. Можно побыть наедине со своими мыслями и воспоминаниями. В нашей семье никогда не говорили о Боге. И можно понять, почему. Наверное, отец и мать оберегали своих сыновей от опасных, как им казалось, знаний. В те годы ходить в церковь власти уже не запрещали, но и не приветствовали. Брат мой и я крестились уже взрослыми, самостоятельными людьми. Это был наш собственный, а не родительский выбор. Каждый раз, приходя в церковь, я думаю: что бы они сказали, узнав, как изменилась жизнь? Я ставлю свечи. Подолгу стою у лика Богородицы, вглядываюсь в осуждающие и всепрощающие глаза Николая-угодника. Я не знаю, почему я выбрал именно эти иконы. Быть может, это родители мне подсказали? Горят свечи, потрескивая еле-еле. Под куполом эхо чьих-то тихих шагов. Я стою, вспоминаю. Молюсь. За себя. За родителей. За свою семью. За всех сыновей и отцов...

